

Сердечно поздравляем большого русского поэта,
члена редакционной коллегии журнала «Бийский Вестник»,
Геннадия Викторовича Иванова с Юбилеем!

Он давно уже стал «Всероссийским старостой» нашего Союза писателей, который без Геннадия Иванова – замечательного русского поэта и организатора – представить себе невозможно. С ним в любое время можно поговорить, посоветоваться. Я не знаю человека, которому он отказал бы в беседе не только на литературную тему или тему, касающуюся организационных дел в Союзе писателей России, но и обсудить любой житейский или общественно значимый вопрос.

По взвешенности и мудрости суждений он, конечно же, давно уже достиг той уважаемой календарной даты – 70 лет, которая украсит его с нынешнего 14-го марта. Но внешне и по мобильности ритма своей жизни это, если и не юноша, то абсолютно молодой человек, чью доброжелательную личностную и творческую энергию чувствует каждый, кто с ним знаком, или знает только его поэзию.

Поэтому хочу пожелать тебе, дорогой Геннадий Викторович, чтобы и вторая половина твоей жизни стала, как минимум, не менее яркой и убедительной во всех отношениях, чем нынешняя, рубеж которой ты в эти дни так достойно переходишь.

Ну, а поскольку, чем бы истинный поэт ни занимался, поэтическую суть его личности ощутишь сразу, да и знаменитое: «Я – поэт. Этим и интересен», уверен, останется на все времена, давайте побудем наедине с поэзией нашего юбиляра.

Начну со стихотворения, строка которого определила название этого очерка:

*Таинственно и безбрежно
Шумит мировой океан.
Земля – это берег надежды,
И он не случайно нам дан.*

*Мы здесь наполняем верой,
Мы здесь открываем исток.
И сущим живя, не химерой, –
Ложимся лицом на восток.*

*Ложимся, закрыв свои вежды.
Проснёмся в хоромах Отца.
Земля – это берег надежды.
Надейся и верь до конца...*

Когда-то мастер лаконичных определений Вадим Кожинов сказал, что «произведение писателя – это рентген его души». И всякий раз, когда читаю очередной поэтический цикл Геннадия Иванова или перечитываю его сборники, одним из первых вспоминаю это стихотворение и приведённые слова Кожинова. Потому что для меня «рентген души» Геннадия Иванова – в его строках: «Земля – это берег надежды. / Надейся и верь до конца...»

В одном из своих ранних стихотворений, размышляя на тему вечную, он написал:

*... Надо жить, хотя так трудно верить
В лучший смысл земного бытия,
Надо приходить на этот берег,
Чтоб тоска развеялась твоя.
Ведь уже не раз такое было:
Так же сердце от неверья стыло,
А потом, откуда ни возьмись,
Начиналась, продолжалась жизнь.*

Каждый из нас время от времени сталкивается с таким «откуда ни возьмись», которое вдруг может развернуть твою жизнь, в очередной раз показывая её многообразие и непредсказуемость. Поэтому, когда читаешь, такое ощущение, будто сам написал. Хотя ничего удивительного в том нет, поскольку истинный поэт, о чём бы ни писал, всегда скажет не только о себе, но и о тебе. А что-то и за тебя.

Иногда бывает – обычный эпизод: ты плывёшь на корабле или теплоходе, смотришь на воду, о чём-то думаешь. Потом забываешь об этом. А у поэта тем временем возникают ассоциации и образы, которые обладают магией притяжения и не отпускают его, пока не выльются в слова, которые потом не забудешь:

*Когда погас на горизонте свет
И от миров повеяло кочевьем,
Я всё глядел на уходящий след
При свете кормового освещения.
И думал я, что жизнь, как этот след,
Недолго вьётся, мчится и играет,
Что чуть подальше – и его уж нет,
И он в волнах бесследно исчезает.
Но всё хотелось на него смотреть...
Работал винт, поток воды толкая,
И нёсся след – исчезнуть, умереть,
И смысл, и очертания теряя.*

Если человек рождён поэтом, он – философ, и многое услышанное или увиденное трансформируется его сознанием в объединяющее начало, как, например, возникшее вроде бы из мимолётной фразы четверостишие:

*Говорят, что ласточки – из рая.
А цветы? А дождика вода?
Всё из рая то, что, умирая,
Нам хотелось видеть бы всегда.*

Просто, и так ёмко в этом кратком изречении сказано. Такая простота приходит не сразу, а через многие размышления и пережитое. А умение сказать ТАК, конечно, даётся природой.

Для меня это четверостишие связано ещё и с такими строчками Геннадия Иванова:

*Торопиться неохота,
Жизнь так хороша!
Поле, речка и болото –
Любит их душа.
Любит ветер, дождь и вьюгу,
И тепло в избе...
И лететь не надо к югу,
Как скворцу тебе.*

Стихотворение в очередной раз показывает, насколько поэт отличается от простого смертного: рассказывая о себе, он, как уже отмечал, невольно рассказывает и о нас. Ведь когда на душе хорошо, то тебе хорошо везде, и «неохота» что-то менять. А ещё хочешь поделиться этим состоянием и рассказать всем и каждому о том, как после пережитого возникает вновь чувство, которое звучит просто и точно: «*И снова – жизнь!*»:

*Белые хлопья каштанов цветущих
С розовым цветом внутри...
Мыслей не надо угрюмых, гнетущих.
Всё расцветает – смотри!
И одуванчиков жёлтые краски,
Зелень и листьев, и трав...
Все они сбросили снежные маски.
Всякий ликующий – прав!
Было безумно, но мы дотерпели.
Вот и наградою нам
Тонко, свирелисто птицы запели!
Сердце прильнуло к цветам!
Наша весна – это Божия милость.
Дивно в родной стороне.
Бог не оставил – и жизнь заструилась
В реках, полях и во мне...*

Казалось бы, ЧТО ещё надо, чтобы жить в гармонии с природой, частью которой являешься и ты. Но почему-то мы развиваемся так, что всё больше нарушаем её законы, не задумываясь, насколько неправомерно это делать. Ведь жизнь тебе дарована свыше, поэтому пройди свой путь земной достойно и благодарно.

И поскольку поэты – «люди без кожи», они особенно чутки к происходящему:

*Мы люди последних времён.
Нам выпала доля такая:
Земли и воды слышать стон,
К ним собственный стон прибавляя.
Мы люди последних времён.
Опоры надёжные сбиты,
И катится всё под уклон.
Помогут ли чьи-то молитвы?
Помогут ли наши труды?
Задумано – так и случится:
Рассеются наши следы,
И только дымок будет виться...
Галактики гибнут, а тут
Какая-то мелкая сошка –
Земля; этот замысел крут,
И ждать нам осталось немножко.
Но замысел есть и другой:
Чтоб мы до последнего вздоха
Любили бы берег земной –
Неважно, какая эпоха.
Любили бы лист золотой,
Любили бы снег над рекой,
Полей плодородных покой,
Людей, с их великой тоской...*

Когда читаю стихотворения Геннадия Иванова, вижу, что каждое из них не только отражает время, в какое написано, но и уходит во вневременное пространство, благодаря глубине философских размышлений. Не случайно этого поэта изначально отметили такие известные и уважаемые в литературе люди, как Владимир Соколов, Василий Казанцев, Владимир Цыбин... И не случайно его строчки востребованы не только сверстниками и теми, кто старше, но и ровесниками наших детей. А это показатель, к которому стремится и о каком мечтает любой поэт или писатель.

И объясняется эта востребованность тем, что его поэзия даже о самом горьком светла. Сколько ни пишет, свет в его строчках не меркнет. Что-то, кроме природного склада, помогает этому поэту. Может, отчасти то, о чём он сказал в одном из стихотворений:

*Выхожу из храма. Лето под парами.
Ласточки мелькают и звенят: фьюить!
После полной службы в православном храме
Умереть не страшно и не страшно жить.
Всё понятно-ясно: что, куда, откуда,
Как нам жить сегодня, завтра и всегда
Если б мы так жили – вот уж было б чудо,
Не было бы страха Страшного Суда.
Я пошёл за город, где цветы и речка.
Всё прекрасно, даже этот нежный слизень!
Нагревает воду солнечная печка,
Торжествует милая временная жизнь.*

Думаю, именно такая «питательная среда» даёт просветлённость его душе и позволяет Геннадию Иванову в любых обстоятельствах сохранять присутствие духа, что и отражается на поэтической интонации каждого из стихотворений. Даже когда оно начинается строками печальными:

*Всё детективными завалено томами.
Поэзии в продаже не видать.
– Что делать нам с бессмертными стихами? –
Спросил поэт. Ответу: – Издавать!
Без них кругом великая пропажа,
Без них на нас не сходит благодать.
Да, издавать бессмертные, и даже
Бессмертные не очень – издавать!*

Это восьмистишие отражает очень важную мысль, которую когда-то сформулировала Марина Цветаева. В одном из разговоров с Валерием Брюсовым она сказала, что поэзия – это высшая степень словотворчества, – и в любые времена даётся лишь единицам. А потому и в любые времена слово поэта становится, в конечном счёте, самым значимым.

Из такого слова выстраивается «поэтическое дерево». Свидетелем роста одной из его ветвей стал Геннадий Иванов:

*Я видел поэтическое дерево –
Я видел Соколова, Передреева,
И Кузнецова, Тряпкина и Сухова...
Я видел их, и слышал, и любил.
Казанцева, Жигулина, Горбовского
И Решетова, но березниковского...
Рубцова я не видел, но поистине
Он рядом, ближе многих ближних был.
Да, это было дерево так дерево.
Душа при нём жила, любила, верила.
Застал я время дивное в поэзии,
Чему я рад и по чему грущу.*

*И альманахи были интересные,
И вечера поэзии чудесные.
И много значили тогда для многих строки
В Москве, и в Питере, и во Владивостоке...*

Мы с Геннадием Ивановым сверстники, и могу под каждой из приведённых строчек подписаться, поскольку сам об этом постоянно рассказываю молодым. Только не так лаконично и образно, как получилось здесь у поэта.

А получилось потому, что он сам давно уже стал частью этого «поэтического дерева». Не мог ею не стать. Когда ветвь этого «дерева» развивалась, такие уважаемые в поэзии люди, как Владимир Соколов, Василий Казанцев, Владимир Цыбин, заметили, отметили и благословили молодого поэта. Время показало, что они не ошиблись.

Среди имён приведённого стихотворения уже давно и органично можно ставить имя Геннадия Иванова. Качество его поэзии, где так сильно редкое сочетание лирики гражданской, философской, нежнейшей личной... позволяет смело об этом говорить.

На какой странице ни откроешь сборник, это сочетание, как и в самой жизни, чувствуешь сразу:

*Бог поможет России!
Не может он ей не помочь,
Так её испытавший
Огнём, и мечом, и забвеньем.
Вот уже посвежело, светает,
Кончается ночь –
Веет правдою и возрожденьем.
Вот уже просветлело,
Уже проступают черты,
Вот уже прояснилось,
И птичье послышалось пенье...
Бог поможет России,
Но если поможешь и ты –
Тоже правдою и возрожденьем.*

Две последние строчки – важнейшие в его гражданской лирике. Это – позиция поэта, от которой он не отступает, и потому имеет право призывать читателя тоже следовать знаменитому: «*Кто, если не я, и когда, если не сейчас?*»

А причина такой позиции Геннадия Иванова – любовь к своим корням и благодарность судьбе, что она у него такая:

*В избе горячей глиной пахнет печка.
Я у окна сижу. Дымится чай.
В окне берёза – голая, как свечка;
Летят снежинки как бы невзначай...
Пойду к реке. Летят снежинки в воду
И тают в тёмной, будто ночь, воде...*

*На кочки падают, на мост и на колоду...
В осоке снег, как в рыжей бороде.
Летят снежинки, словно наши годы.
Но без печали, в радости одной...
Сегодня веет таинством свободы,
Свободы истинной, свободы не земной.*

Это не простое созерцание, а слияние души с мирозданием, ощущение себя в нём, чувство ответственности перед ним. И перед Словом, которое даётся поэту мирозданием. А потому и читаем:

*Если бы в слове не было тайны,
Если бы в слове не было Бога –
Любая строчка была бы случайной,
И мы бы зависели от подлога.
Но кто бы и как ни крутил мозгами,
А выведет слово на чистую воду
Того, кто в бедламе нашем и гаме
Пишет своей суете в угоду...*

Как тут не вспомнить строчки Николая Гумилёва из его знакового стихотворения «Слово»:

*...Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог...*

А для того чтобы мы не ставили слову «пределом скудные пределы естества», поэзия и существует. Поэтому в человеке живёт надежда на своё высокое предназначение, о чём Геннадий Иванов пишет так:

*Нет. Во мне надежда не померкла,
Я в ней и нынче погружён.
Небо в звёздах светится, как зеркало,
В нём и я со всеми отражён.
В нём весь род мой, все на свете жившие,
Люди, звери – все отражены.
Только видно это всё Всевышнему,
Мы таких видений лишены.
Нет, не всё так плоско, как мы думаем
В час унынья и в безмолвья час.
Где-то есть за солнцами и лунами
Дом, где ждут, где вечно помнят нас.*

Потому и так логично то, что идёт дальше в своей возвышенной и мудрой простоте:

*Для чего и живём,
Для чего и тоскуем?*

*Чтобы выйти однажды
На берег морской
И увидеть:
Громадами волн атакуем,
Берег выстоял,
Выдержал бой.
А зачем – и не знать.
Так должно быть – и точка.
И не думать,
Что путь наш нелеп.
Исчезает не жизнь,
А её оболочка.
Будет новая жизнь –
И дорога, и хлеб...*

И всё это, благодаря Искусству, важнейшим компонентом которого является Слово. Когда Геннадий Иванов пишет:

*Поэзия как бы умолкла.
Свои потеряла права,
Ягнёнок она перед волком,
Она перед бурей трава.
Поэзии как бы и нету,
Нелепо – и петь, и парить...
Но муза приходит к поэту,
И есть им о чём говорить.*

Пишет он о нашем времени. Времени, в котором духовные ценности, казалось, уходят в тень материальных устремлений. А история знает, к чему обычно приводит такое движение.

Оттого поэт и сопротивляется ему, как может, своим душеполезным стихотворчеством.

За что так и любит Геннадия Иванова его многочисленный читатель в России и среди той части русскоязычного зарубежья, которая сохранила трепетное отношение к русскому слову и своему Отечеству.